

Зоркий Глаз не делал попыток поговорить с кем-либо из членов своего клана, пока не достиг их нынешнего гнезда. Вместо разговора он сидел, пока уходила тьма, стремясь овладеть своими мыслями и эмоциями, чтобы они не могли выдать его, когда он окажется снова бок о бок с Народом. Был небольшой шанс, что Прекрасный Разум не почувствовала смерть супруга. Если это действительно было так, он не собирался сообщать ей, что Красный Утёс оказался дальше, чем просто вне досягаемости их мыслеречи. Если она действительно знала и каким-то образом всё ещё хваталась за жизнь, он не хотел, чтобы она узнала о том, что смерть Красного Утёса была ужасно неестественной, что его жизнь была вырвана когтями другого представителя Народа, что даже его тело было отвергнуто как проклятие.

Он справился с этой почти невыполнимой задачей, прежде чем достичь рощи у реки, где теперь располагался Безземельный клан. Он с облегчением узнал, что Прекрасный Разум всё ещё жива. Самки, которые её посещали, сообщили, что в какой-то момент она была очень взволнована, поэтому Зоркий Глаз подозревал, что она уже знает о своей потере.

Кислому Животу и некоторым старейшинам в тот день повезло с рыбалкой. Когда прибыл Зоркий Глаз, большая часть клана вгрызалась в нежную плоть. То, что рыбы головы, хвосты и даже кости откладывались для более поздней трапезы, свидетельствовало об их стеснённых обстоятельствах. Ничего даже отдалённо съедобного не пропадёт зря в эти трудные времена.

Хотя Зоркий Глаз вернулся без добычи и не мог ничего добавить к пиршеству, Удивительное Прикосновение, подруга Кислого Живота (которая была настолько же мила и приятна, насколько её супруг был кислым и непреклонным), окликнула его.

<С возвращением, Зоркий Глаз. Мы отложили для тебя достаточно обеда, чтобы ты мог немного обрести жирком. Крошечный Хор и её однопометники нашли тайник озёрного строителя с прошлого сезона, так что у нас есть ещё и фрукты.>

Зоркий Глаз с энтузиазмом поблагодарил её, а затем позвал Крошечный Хор и её братьев и сестер рассказать ему всё о том, как они обнаружили сухие фрукты. Они действительно были довольно умны, предположив, что пруд, возле которого теперь был разбит лагерь, вероятно, был результатом начала работ кого-то из озёрных строителей.

<Вероятно, их настигла клыкастая смерть,> произнесла Крошечный Хор, а её мыслеголос был порядком взволнован. <Озёрные строители обычно хранят еду, поэтому мы пошли искать и нашли.>

Даже хваля котят, Зоркий Глаз не мог не думать о том, как низко пал клан. Радоваться этим сморщенным и горьким плодам, когда раньше, до того как их дом был разрушен, они были бы выброшены как несъедобные... Однако он был благодарен. Ночи были уже слишком холодными для кружевного листа. Зелёные игольные орехи превратились в пепел вместе с деревьями, на которых они росли. Любая поддержка тихой охоты приветствовалась.

Когда Зоркий Глаз поел, то подумал, кому бы он мог рассказать о смерти Красного Утёса. Как

бы он ни хотел сохранить это дело в секрете, для клана было слишком много рисков. Он подозревал, что они уже находились на землях, которые клан Окутывающих Деревья считал своей собственностью. Любого странствующего охотника может постигнуть участь Красного Утёса.

Зоркий Глаз предпочёл бы сперва обсудить этот вопрос с певицами памяти клана, чтобы узнать, какие прецеденты были для такой ситуации, но Чуткие Уши и её ученики ушли. На мгновение он подумал о том, чтобы проконсультироваться с Крошечным Хором, но понял, что это проявление трусости. Даже если бы Чуткие Уши начала учить котёнка, она бы не делилась информацией о прошлых войнах между кланами. Песни памяти были яркими и отлично воспроизводили все мысли и эмоции — как плохие, так и хорошие; уродливые и подлые, а также отважные и бескорыстные — вот те события, которые находили отклик в их сердцах. Взрослым было достаточно трудно принять песни, повествующие о гневе и ненависти, мучительной потере самок и котят, о том, как гаснет любимый мыслесвет. Они почти наверняка повредили бы рассудок подрастающего котёнка, который верил, что все возможные проблемы можно решить, так как совместное сознание делало недопонимание невозможным, и поэтому они передавались на хранение только тем, кто стал достаточно сильным и по возрасту, и по опыту, чтобы их вынести.

В итоге он сделал то, что всегда считал обязанным сделать: доложил обо всём, что узнал, всем взрослым членам клана. Реакция была настолько плохой, насколько он и опасался.

Только забота о молодняке и раненых удерживали мыслеречь на пониженных тонах. Смерть Красного Утёса была сама по себе достаточно неприятной, но презрение, выказанное всему клану в том, как его тело было брошено, было достаточным, чтобы рассердить даже самого спокойного из Народа.

<Я заметила кое-что очень интересное в твоём докладе,> прокомментировала Делаящая Чаши, старшая кошка, пользующаяся большим уважением за её работу с глиной. <Дважды ты разговаривал с этим Бичом Пловца. Единожды присутствовал его племянник Проворные Пальцы. Тем не менее, они приложили все усилия, чтобы оставаться за пределами диапазона, в котором ты мог бы ощущать их мыслесвет.>

<Ты права,> согласился Зоркий Глаз. <Думаю, это было сделано намеренно. Моя способность ощущать чужой мыслесвет не так сильна, как если бы я был связан с супругой. Я предполагаю, что один или оба из них сильнее меня и может обнаружить меня до того, как я обнаружу его. Тогда ему было бы достаточно просто переговорить со мной. Он будет знать, что как только я услышу его голос, даже если я не смогу его видеть, я смогу ответить, и преимущество останется за ним.>

<Это говорит о хитрой личности,> ответила Делаящая Чаши.

<Или подлой,> отрезал Кислый Живот.

<Или и то, и другое,> мирно сказала молодая самка, Плетельщица Узлов. <Клан Окутывающих

Деревья тщательно выбирал своих пограничников. Мы должны уважать их и учитывать это при планировании дальнейших действий.>

<И нам нужно что-нибудь сделать.> заявил Кислый Живот. <Красный Утёс мог быть откуда угодно, но он стал ценным членом нашего клана. Его дети не вырастут, зная, что нас не волнует убийство их отца.>

<Я вот что подумал,> — произнёс Зоркий Глаз, пытаясь сформулировать наполовину родившуюся идею, пришедшую ему в голову, когда он возвращался в клан с новостями о смерти Красного Утёса. <А что если клан Окутывающих Деревья, возможно, не понимает, как сильно мы нуждаемся. Возможно, тот, кто разговаривал со мной, Бич Пловца, был так обеспокоен судьбой своего клана этой грядущей зимой, что не смог найти сочувствия к чужакам. То, что ему удавалось оставаться на самой границе моего разума, могло облегчить бы ему задачу думать только о потребностях своего собственного клана и видеть во мне только захватчика, угрозу.>

<И что?> усмехнулся Кислый Живот. <Ты бы хотел, чтобы мы пошли к ним, чтобы усилить наш мыслеголос для них?>

<Не совсем,> ответил Зоркий Глаз, стараясь проявлять терпение, а не раздражение, которое он чувствовал. <Что, если мы вызовем одного из них настолько близко, чтобы он не мог игнорировать то, что наш мыслесвет может показать ему? Пусть прочувствуют страх котят, потерявших родителей, и голод, разъедающий животы всего нашего народа. Как только хотя бы один из их клана узнает, насколько ужасно происходящее для нас, они наверняка позволят нам пройти через свои территории и искать убежища в другом месте. Они могут даже пожалеть нас и принять нас.>

Зоркому Глазу было приятно осознавать, что его идея заинтересовала многих членов клана. Другие по-прежнему сомневались. Он повернулся к Плетельщице Узлов.

<Тебя что-то смущает в моём замысле? Возможно, если ты объяснишь, мы могли бы использовать твои идеи, чтобы составить более надёжный план.>

<Я боюсь того, что может случиться, если мы кого-нибудь приведём сюда. Ты сказал, что думаешь, что Окутывающие Деревья терпимо относятся к тому, что мы живём на этой скудной окраине их территории. Что произойдёт, если мы заставим обратить на себя внимание целого клана? Что, если они решат нас выгнать?>

Зоркий Глаз собирался ответить, когда Делающая Чаши удивила его, произнеся неистово.

<Я разделяю твой страх, сестра клана, но либо Окутывающие Деревья прогонят нас, либо наступит зима. Сейчас это приличное место для гнезда, но что будет, когда ручей замёрзнет и даже наши лучшие рыбаки не смогут добыть улов? Нам уже пришлось подъедать остатки за озёрными строителями. Мы очистили камни от каменного меха. Я не певица памяти, но я помню истории, которые рассказывала Чуткие Уши, когда зима тянулась неоправданно долго.

Затем обезумевшие от голода кланы дрались друг с другом насмерть из-за пригоршни зеленых игл. Нашему Безземельному клану не избежать конфликта. Мы можем только выбрать, будем ли мы действовать, пока у нас еще есть силы, или ждать, пока отчаяние не подтолкнёт нас.>

<Я понимаю, Делаящая Чаши.> Плетельщица Узлов задрожала, будто почувствовав ледяные ветра, вызванные в памяти Делаящей Чаши. <Я снимаю возражение.>

<Как же тогда,> спросил Кислый Живот, <мы должны прийти к приглашению нас посетить? Почему-то мне кажется, что если бы кто-то из клана Окутывающих Деревья действительно хотел узнать нас, они бы уже пришли.>

Зоркий Глаз пригладил свои усы одной настоящей рукой. Он тщательно продумал эту часть, но намеренно скрывал детали своего плана, пока не убедился, что клан хотя бы рассмотрит его.

<У меня есть идея,> сказал он. <Позвольте мне показать.>

— Итак, что сказала твоя мама?

— А?

Стефани оторвалась от своей читалки. Она сидела скрестив ноги на скамейке под тенистыми ветвями мантикорского синего дерева, держа читалку на коленях. Львиное Сердце потянулся к ней, по-дружески боднув подбородком её бедро, и она моргнула.

— Я спросил, что сказала твоя мама, — повторил Карл с улыбкой. Он подумал, что Стефани в режиме усердной ученицы ориентировалась в окружающей ситуации примерно как камень.

— Ой. — Стефани снова моргнула, затем криво ухмыльнулась, поняв, что он смеётся. — Прости. Я погрузилась в себя. Она сказала, что они с папой замечательно проводят время, осматривая все достопримечательности. И они, черт возьми, должны проводить его хорошо! Это их первый отпуск с тех пор, как мы приехали на Сфинкс.

— Я знаю, — кивнул Карл. — Они вкалывали как проклятые с тех пор, как вы, ребята, приехали. Я рад, что они хорошо проводят время. Ты хочешь показать им тут всё?

— Показать им что? — рассмеялась Стефани. — Исключая встречи с Фондом Эдера, мы выезжали за пределы кампуса пару раз! Им лучше управляться со стандартным гидом и своими унилинками, чем с той информацией, которую я могла бы им выдать.

— Наверное, ты права, — согласился Карл и бросил взгляд на свою читалку. Несмотря на то,

что Стефани смеялась, её ответ был немного резким, и краем глаза он заметил, как уши Львиного Сердца вздрогнули. Он научился читать язык кошачьего тела почти так же хорошо, как и человеческого, и он мог многое рассказать о настроении Стефани, глядя на Львиное Сердце. И именно сейчас ей явно хотелось поехать в путешествие по Мантикоре со своими родителями. К сожалению, эта неделя была экзаменационной, и даже Стефани была напряжена. В среднем оба они имели такие показатели, которые позволили бы им успешно завершить свои курсы, даже если бы они завалили конец обучения, но никто из них не был заинтересован в том, чтобы просто свести концы с концами. Старания сделать всё настолько хорошо, насколько это возможно, могли бы стать для них поводом для гордости в любом случае, но с учётом решения рейнджера Шелтона потратить драгоценные места на пару детишек на них лежала особая ответственность — заставить его гордиться этим.

"Не то чтобы Стефани никогда не делала этого", с иронией подумал он.

— Ты хочешь снова вернуться к обсуждению вопросов доктора Флуре? — спросила Стефани, как будто могла читать его мысли, и он усмехнулся.

— Это не повредит, — признал он. — Но, честно говоря, меня больше беспокоит доктор Тиббетс. — Он покачал головой. — Я знаю, что будет открытая ссылка на библиотеку, но я не так хорош в поиске прецедентов, как ты, Стеф!

— Ты лучше, чем ты думаешь, — проворчала она, а Львиное Сердце выразительно мяукнул, выгнув спину и от души потянувшись.

"Карл всегда принижал себя, когда дело касалось чисто академической стороны их курсов", подумала она. Он действительно лучше справлялся с полевыми исследованиями, это правда, но он был лучше, чем три четверти их одноклассников, когда дело доходило до той части учебной программы, которая требовала большей усидчивости.

— Стать лучше, чем я о себе думаю, не должно быть таким уж сложным, — сказал он со смешком. — Не набрасывайся на меня, Стеф! Знаешь, я не думаю, что завалю экзамен. Но правда в том, что тебе гораздо больше нравится юриспруденция, чем мне. И я не особо понимаю, зачем рейнджеру нужна базовая юриспруденция. Мы не собираемся становиться судьями или магистратами!

— Не собираемся, — согласилась Стефани. — Но имеет смысл получить хотя бы базовое представление о том, как это всё работает. Прямо сейчас полевые миссии рейнджеров базируются в основном на здравом смысле и усидчивости, но так будет не всегда. Вот почему рейнджер Шелтон пытается увеличить количество обученных профессиональных рейнджеров и получить хоть какое-то представление о том, что суды смогут сделать с любым, с кем мы в конечном итоге будем иметь дело, чтобы... скажем так, в профессиональном плане не наломать дров.

— Наверное, — согласился Карл. — Но правда в том, что я предпочту сдать экзамен доктора Глисона дважды, чем один раз сдать экзамен доктору Тиббетс! Она всегда заставляет меня

думать, что собирается посадить меня в тюрьму, если я облажаюсь.

— Ужас какой! — Голос Стефани был суровым, но её губы подрагивали. Доктор Эмили Тиббетс, также известная как судья Тиббетс, была старшим членом Королевского суда, преподававшей вводные курсы юриспруденции в УЛМе. Она была требовательна к себе, но Стефани не раз улавливала что-то подозрительно похожее на смешинку в её карих глазах. Кроме того, та не только решила, что Львиное Сердце может сопровождать Стефани на урок, но и явно симпатизировала древесному коту. Более того, возможно, она нравилась Львиному Сердцу. — Доктор Тиббетс определённо милая, — продолжила Стефани. — Но даже если она не такая, я обещаю, что подам иск в суд на habeas corpus (институт английского уголовно-процессуального права, тесно связанный с принципом неприкосновенности личности – прим. переводчика), как только её приспешники утащат тебя.

— Здорово, спасибо!

— Пожалуйста. Но знаешь, — продолжила Стефани уже более задумчивым тоном, — мы всегда можем обратиться к уму Джеффа. В прошлом семестре он прошел тот же курс, а в этом семестре изучает продвинутую юриспруденцию. Если кто из наших знакомых и в курсе, какие вопросы может задать доктор Тиббетс, то это он.

Карл отреагировал приподнятой бровью на это предложение. Джефф Харрисон был одним из их одноклассников по курсу криминологии доктора Флуре. Уроженец Мантикоры, а не Сфинкса, он явно намеревался продолжить карьеру в правоохранительных органах на столичной планете, и он был на несколько лет старше Карла, не говоря уже о Стефани. По мнению Карла, Джефф был забавным обтесавшимся горожанином, но он был очарован Львиным Сердцем и стал одним из их друзей среди рождённых на Мантикоре.

"Кроме того", напомнил себе Карл, "он может быть безнадежным в чаще, но ты-то относительно него ненамного лучше в городе, правда?".

— Это может быть очень хорошей идеей, — сказал он через мгновение. — Она точно не будет использовать одни и те же вопросы, но я точно буду чувствовать себя лучше, если смогу обсудить это с кем-то, кто однажды уже пережил её курс!

С Плетельщицей Узлов, обеспечивающей направление, Безземельный клан начал строить сеть, которой они могли ловить и удерживать другого кота. Это была непростая задача, потому что когти у котов были очень острыми и могли прорезать что угодно, если бы хватило времени. Это было не быстро. Впрочем, поскольку они были маленькими относительно таких врагов, как клыкастая смерть и снежный охотник, коты также были очень терпеливыми, и помощники Плетельщицы Узлов знали, что тщательность подготовки может означать разницу между жизнью и смертью.

Плетельщица Узлов выдала исключительно прочный шнур, который состоял из волокон разных

растений и пушистого меха Народа. Изготовление такого шнура отнимало столько времени, что даже когда разбушевавшийся пожар был всё ближе и ближе, Плетельщица Узлов настояла на том, чтобы унести катушку шнура с собой. Теперь она показывала остальным, как сделать из него сеть с затянутой петлёй, чтобы потом можно было свернуть её в импровизированную сумку.

В качестве финального усовершенствования Чудесное Прикосновение, которая была одним из целителей клана и хорошо разбиралась в растениях и их свойствах, выдала горькую пасту, которой можно было пропитать ячейки сети.

<Она немного жжётся,> предупредила Чудесное Прикосновение, <поэтому нанеси его кистью. Во всяком случае, это должно удержать нашего пленника, чтобы он не прокусил сеть и не порвал её слишком быстро.>

Зоркий Глаз поблагодарил её. <Мы не хотим, чтобы он остался в тюрьме надолго, но мы весьма рады всему, что поможет нам выиграть время.>

Следующий этап плана Зоркого Глаза был куда сложнее. Посоветовавшись с разведчиками и охотниками Безземельного клана, он только подкрепил свои впечатления. Он был тем разведчиком, который наиболее глубоко проник на территорию, удерживаемую кланом Окутывающих Деревья, и единственным членом клана, который лично встречал представителя клана Окутывающих Деревья.

Ладно, был ещё бедняга Красный Утёс, но он не мог помочь им сейчас.

Вероятнее всего, это означало, что клан Окутывающих Деревья активно избегал эту область. Незачем было приходить на участки в направлении восходящего солнца, учитывая скудный урожай. В любом случае с приближением зимы каждый свободный взрослый будет вовлечён в приготовление еды, которую принесут охотники и собиратели растений.

<Я встречался только с Бичом Пловца и Проворными Пальцами,> объяснил Зоркий Глаз. <Предполагаю, что Бич Пловца отвечает за наблюдение за нашим краем их территории и что он взял нескольких членов семьи в качестве помощников. Все мы знаем, что легче разговаривать с человеком, когда он вам известен. Поскольку я хоть немного знаком с этими двумя, они услышат меня раньше, чем кто-либо другой. Я пойду на основную территорию, где нашёл тело Красного Утёса, и установлю сеть. Потом я начну вкладывать гнев в мысли и надеюсь, что кто-то из них или даже оба кота придут ко мне для столкновения.>

<Зачем им это делать?> спросил Кислый Живот, которого совсем не радовало выдающееся положение, которое недавно приобрел молодой Зоркий Глаз. <Почему бы им просто не игнорировать тебя?>

<Я рассчитываю на элементарное любопытство,> ответил Зоркий Глаз. <Но если этого недостаточно, я припас и другую тактику.>

Кислый Живот фыркнул, как будто не верил, что это так, но не стал спрашивать подробностей. Но Зоркий Глаз тоже не вызывался добровольцем. Он просто придерживался плана и хотя действительно считал, что у него в запасе есть несколько хороших идей, не хотел, чтобы неприятные комментарии Кислого Живота подорвали его уверенность в себе.

<Какая помощь нужна тебе от клана?> спросила Делаящая Чаши. В отсутствие полностью обученной певицы памяти она, казалось, брала на себя часть руководящей роли, которая принадлежала бы Чутким Ушам.

<Я бы мог взять пару сильных охотников, чтобы они пошли со мной и помогли нести моего пленника, если он не пойдёт добровольно,> незамедлительно ответил Зоркий Глаз. <Я думал о том, чтобы попросить Крепкого Когтя и Сильно Кусаящего, если их можно освободить от охоты.>

<Охотиться не на что,> быстро ответил Крепкий Коготь. <Красный Утёс был спутником жизни моей однопомётницы. Я был бы счастлив поймать того, кто его убил.>

Гнев, заполняющий мыслесвет Крепкого Когтя, показывал, насколько опасным может быть его "счастливое" сотрудничество. Зоркий Глаз предложил Крепкого Когтя и Сильно Кусаящего, потому что они, как и он, были самцами без пары в Безземельном клане. Теперь он задавался вопросом, не поступил ли неразумно.

<Мы не стремимся к мести,> предупредила Делаящая Чаши. <Мы ищем место, где у нас появится надежда пережить зиму. Но всякая надежда будет потеряна, если вы будете использовать свои легендарные когти не по делу. Понимаете ли вы это?>

<Я знаю,> ответил Крепкий Коготь. Его мыслесвет стал ярче, хотя гнев покинул его не полностью. <Возможно, заставить этого убийцу осознать, что он натворил, будет лучшей мезтью, чем спокойная смерть. Ты можешь рассчитывать на меня. Я буду следовать приказам Зоркого Глаза и сделаю всё возможное, чтобы его план увенчался успехом.>

<Спасибо,> сказал Зоркий Глаз, заливая его мыслесвет сиянием огромной благодарности, которую он чувствовал. Он с облегчением почувствовал искреннее удовольствие, уравнивающее гнев Крепкого Когтя. <Я попрошу вас с Сильно Кусаящим оставаться до восхода солнца надо мной, вне зоны, где можно легко обнаружить сияние вашего мыслесвета. Я также попрошу вас сконцентрироваться на том, чтобы как можно сильнее приглушить сияние вашего мыслесвета.>

<Наш план сработает лучше всего, если тот, кого мы пытаемся поймать, поверит, что я один. Я заряжу ловушку. Когда я скажу вам, что у нас есть пленник, вы броситесь вперед и поможетете мне утащить его как можно быстрее.>

<Но этот пленник обязательно позовёт на помощь,> усмехнулся Кислый Живот.

На этот раз Зоркий Глаз даже не поддался соблазну дать дальнейшее объяснение. <Думаю, у меня есть способ удержать его от того, чтобы отправить зов.>

Плетельщица Узлов нервно распушила хвост. <Зоркий Глаз, ты всё время говоришь "он", будто полагаешь, что столкнёшься только с одним противником. Как ты можешь быть настолько уверен?>

<Я не уверен>, признался Зоркий Глаз, <но я планирую сделать всё, что в моих силах, чтобы всё шло так, как я хочу. Во-первых, я направлю свой мыслеголос на одного и только на одного кота. Я думаю попробовать вызвать Проворные Пальцы, потому что он казался мне более отзывчивым, чем его дядя. А ещё Проворные Пальцы показался мне намного младше. Я выйду в то время, когда, вероятно, его старший будет отдыхать... Я думал о времени, когда ночь сменяется рассветом и ни дневная, ни ночная добыча не активны. Тогда отдыхал бы старший охотник.>

<А если твоя сообразительность не сработает?> Излишне говорить, что это прозвучало от Кислого Живота.

<Тогда я должен буду полагаться на храбрость,> спокойно ответил Зоркий Глаз. <Как сказала Делающая Чаши, зима лишит нас выбора. Мы должны действовать, пока он есть.>

— У нас мало времени, Гвен, — немного неуверенно указал Освальд Морроу через стол. Они вдвоем обедали в дорогом ресторане, клиентура которого была готова платить завышенные цены в обмен на гарантированное уединение во время обеда. — У них есть еще одна неделя или около того, прежде чем они вернутся на Сфинкс.

— Действительно? — ответ Гвендолин Эдер был полон иронии. — Знаешь, Оззи, мне кажется, я уже где-то читала об этом!

— Это не я подталкиваю тебя, — заметил Морроу. — Это Фрэмpton. Она становится нетерпеливой.

Гвендолин начала огрызаться, но остановилась. Анжелика Фрэмpton, графиня Фрэмpton, была внучкой первого акционера, чей сын улучшил первоначально довольно скромное положение своего отца за счет агрессивных (некоторые сказали бы недобросовестных) финансовых манёвров. За время его жизни и жизни Анжелики Фрэмптоны перешли в высшие ряды богачей Звёздного Королевства, и в рамках этого взлёта они приобрели огромный портфель сфинксианских опционов на землю и использовали его на все сто. На данный момент эти опционы на землю были оценены "всего" в четыре или пять сотен миллионов долларов. В течение следующих тридцати-сорока земных лет эта цифра по крайней мере утроится, а уже представленная банковская стоимость использовалась в качестве обеспечения для ссуд на общую сумму чуть более миллиарда долларов. Эти ссуды были критически важны для платежеспособности графства Фрэмpton, и их условия требовали полной выплаты или

рефинансирования в течение следующих десяти земных лет. Выплаты будут затруднены или даже невозможны; рефинансирование будет обычной практикой... до тех пор, пока сохраняется стоимость опционов.

Это могло бы быть достаточной причиной, чтобы Анжелика начала искать проактивные средства защиты своих активов, но это не было её единственным побуждением. Кроме того, значительный запас опционов в портфеле Гвендолин не был её единственной мотивацией. Правда, что и она, и графиня понесли бы большие убытки в чисто финансовом плане, если бы они были признаны недействительными или даже просто упали в рыночной стоимости, хотя Фрэмpton могла бы потерять гораздо больше. Но у графини была и мстительная жилка размером не менее километра. Это был её опцион на землю. Никакая вонючая стая незаконнорождённых крысоподобных инопланетян не заберёт то, что принадлежало ей! Она, вероятно, выжила бы в финансовом отношении, если бы потеряла опционы, но её состояние бы капитально уменьшилось... и она была из тех людей, которые использовали то, что от него осталось, мстя тем, кто позволил этому произойти или был причиной этого.

Кому-то типа Гвендолин Эдер, например.

— Я полагаю, что не только она чувствует нетерпение, — сказала Гвендолин через мгновение, вместо того чтобы откусить Морроу голову, и он фыркнул.

— Все они нервничают, если ты это имеешь в виду. — Он покачал головой. — Для человека, который всего дважды покидал университетский городок (во всяком случае, не считая посещения Фонда Эдера), Харрингтон и это маленькое чудовище привлекли очень много благосклонно настроенной прессы. Каждый раз, когда я думаю о той заказной статейке, которую сделал ей "Обозреватель Лэндинга", меня тошнит. Даже Харви сейчас на её стороне! Он говорит, что она одна из лучших учениц, которые у него когда-либо были, и в последний раз, когда я разговаривал с ним, он постоянно говорил о том, насколько умён её древесный кот.

— Я знаю. — Настала очередь Гвендолин покачать головой. — Она более представительна, чем я надеялась, и у неё есть те идиоты, друзья Джорджа, которые едят из её рук в Фонде.

Стефани и Карл уже пять раз посетили фонд Эдера — трижды, чтобы встретиться с директорами фонда, которые также оказались его самыми щедрыми спонсорами. К сожалению, не было никаких сомнений в том, какое впечатление она произвела на них. Не то чтобы это стало большим сюрпризом для Гвендолин.

— Это была твоя идея - пригласить её, — заметил Морроу.

— Да, это так. И если бы я не подумала об этом, подумал бы кто-нибудь другой — возможно, сам Джордж.

Тон Гвендолин был едким. Её двоюродный брат Георгий Лебедеенко серьезно отнесся к своему положению графа Лощины Эдер и генерального директора Фонда Эдер. Обычно она находила

это скорее полезным, чем бесполезным, но временами (и, похоже, прямо сейчас) его личные интересы могли стать больше помехой, чем помощью.

— Защита древесных котов — это именно то, ради чего Фонд был создан, — продолжила она. — Это причина, по которой Анжелика отправила тебя в первую очередь ко мне по этому поводу, Оззи. По крайней мере, отправляя приглашение, я могла контролировать, как много на самом деле юная Стефани общалась с ними.

— Ладно. — Морроу пожал плечами. — Но Фрэмpton была бы намного счастливее, если бы нам удалось хотя бы наставить синяков лобби "О, разве древесные коты не миленькие", пока они были здесь, на Мантикоре.

— О, я не отказалась от этого, — заверила его Гвендолин. — На самом деле, у меня хорошие новости для Стефани и Карла. Руководство Герба Чарльстон наконец согласилось разрешить Львиному Сердцу присутствовать не только на их территории, но и в отдельной столовой.

— Что?! — Морроу уставился на неё через стол. — Я думал, мы договорились, что последнее, чего бы мы хотели...

— ...так это того, чтобы у членов Фонда была возможность лично встретиться с маленьким чудовищем и попасть под воздействие его чар, — закончила за него Гвендолин и нетерпеливо махнула рукой. — Конечно, хотели. Ноу меня было двойственное отношение к этому с самого начала. И поскольку Джордж решил, что хочет, чтобы Львиное Сердце допустили к следующему собранию Фонда, я подумала, что для него, вероятно, было бы нежелательно желательно узнать, что я с самого начала осторожно устраивала проволочки. Особенно когда он действительно сможет присутствовать на следующем собрании вместо того, чтобы делегировать полномочия своему верному доверенному кузену.

— Короче, это игра, — мрачно сказал Морроу. В отличие от Гвендолин он не встречался со Львиным Сердцем лично, но просматривал достаточно много полученных тайно изображений древесного кота с большого расстояния, и встречался со Стефани. — Как только они увидят эту парочку вместе, они станут преданными поклонниками древесных котов.

— Оззи, повзрослей! — Гвендолин раздраженно посмотрела на него. — Это должно было случиться, что бы мы ни предприняли! Серьёзно? Ты ожидал, что Фонд выступит за истребление всех древесных котов? И это даже не считая Джорджа! Это было само собой разумеющимся, что они чувствовали себя обязанными прийти на помощь маленьким зверюшкам.

— И ты решила остаться позади и подтолкнуть их в этом направлении? Так?

— Именно. — Гвендолин улыбнулась выражению лица Морроу. — Лучшее, что мы сможем с ними сделать, — это заставить их подписаться под резервированием опционов, Оззи. Джордж будет склонен к тому, чтобы "защищать котов от контакта с людьми" несмотря ни на что — это будет автоматически с его стороны, — а Совет Фонда почти всегда следует его примеру. Ты

знаешь это не хуже меня. Что нам нужно сделать, так это направить Джорджа туда, куда он и так собирается идти... и сделать это таким образом, чтобы Правление еще сильнее поддержало его.

— И дать им возможность встретиться со Львиным Сердцем? — Морроу скептически посмотрел на неё. — Ты читала отчеты доктора Радзински, и мы оба смотрели видеозаписи, в которых Львиное Сердце бежит с ней по кампусу. Они разумные, Гвен, и ты это знаешь. На самом деле, они, наверное, даже умнее, чем мы опасались! Если Правление получит шанс провести какое-то время в присутствии Львиного Сердца и Харрингтон, многие из них — я имею в виду особенно Тёрнера и Фицпатрика, — увидят в этом своего рода здоровые симбиотические отношения между двумя высокоинтеллектуальными видами. И это будет первый раз, когда людям когда-либо удастся сделать что-то подобное. Если они решат, что именно это происходит на Сфинксе, они почти наверняка проголосуют за какой-нибудь акт, дающий древесным котам законный статус полноправных разумных существ!

— Во-первых, Тёрнер и Фицпатрик все равно это сделают. Во-вторых, любой человек хотя бы с половиной мозга, который на самом деле слышал о встрече Харрингтон и Львиного Сердца, должен понимать, что древесные коты могут быть опасными. В-третьих, необходимо изолировать опасных аборигенов: как для защиты их от коррупции, не говоря уже о тех реакциях, которые могут спровоцировать взаимодействие с угрозами и вызовами высокотехнологичного общества, так и для защиты невинных прохожих от травм, если сработает их механизм "бей или беги". И в-четвертых, Оззи, кто когда-либо говорил, что Харрингтон и её маленький друг действительно попадут на следующую встречу?

Морроу уже открыл рот, чтобы ответить. Теперь он закрыл его очень медленно, его глаза сузились в размышлениях, глядя на неё через стол, а острая, как нож, улыбка Гвендолин была холодна.

<http://tl.rulate.ru/book/45520/1077078>